

МАРТ 2026

Стратегические направления для построения устойчивого мира между Арменией и Азербайджаном

Заур Шириев и Филип Гамагелян

Стратегические направления для построения устойчивого мира между Арменией и Азербайджаном

Заур Шириев и Филип Гамагелян

© 2026. Фонд Карнеги за международный мир. Все права защищены.

Фонд Карнеги как организация не занимает никакую позицию по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда, его персонала или Совета попечителей.

Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме без письменного разрешения Фонда Карнеги за международный мир или Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии. За разрешением можно обратиться по следующим адресам:

Carnegie Endowment for International Peace
Publications Department
1779 Massachusetts Avenue NW
Washington, DC 20036
P: + 1 202 483 7600
pubs@ceip.org
CarnegieEndowment.org

Carnegie Russia Eurasia Center
Pariser Platz 4a
10117 Berlin, Germany
CarnegieRussiaEurasiaCenter@ceip.org
CarnegieEndowment.org/ru/russia-eurasia

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта CarnegieEndowment.org/ru/russia-eurasia

Содержание

Введение	1
Стратегическое направление 1: формирование постконфликтной национальной идентичности	4
Стратегическое направление 2: вовлечение в мирный процесс на местном уровне	13
Стратегическое направление 3: формирование синергетических сетей участников мирного процесса	21
Рекомендации: пути для миростроительства, нормализации отношений и переосмысления понятия «мир»	27
Вывод: от рекомендаций к действию	32
Об авторах	33
Примечания	35
Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии	37

Введение

Мирный процесс между Арменией и Азербайджаном достиг парадоксального этапа. С одной стороны, переговоры по политическому соглашению об установлении межгосударственных отношений, которое в официальном дискурсе именуется «мирным соглашением», продвинулись дальше, чем когда-либо за последние три десятилетия. В марте 2025 года власти двух стран завершили работу над текстом «Соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений» — многие назвали это прорывом¹. В августе документ парафировали в Вашингтоне, приблизившись к его подписанию. Однако за прогрессом на межгосударственном уровне скрывается сохраняющийся раскол на уровне общественном. Для большинства азербайджанцев и армян мир — это все еще абстрактное, политизированное, а может, и таящее в себе угрозы понятие.

Если ранее армяно-азербайджанский мирный процесс критиковали за его элитарный характер и ограниченность участием политических элит, то нынешний этап едва ли можно считать даже таковым: сегодня процесс фактически не выходит за пределы высшего политического руководства. Развиваются региональные связи и отношения на высшем уровне, но на уровне обществ не сформированы ни каналы взаимодействия, ни основы для сосуществования. В результате мир конструируется как межгосударственное соглашение, формируемое в обход сообществ, которые пострадали от конфликта.

В последние десятилетия во многих посткоммунистических странах ключевыми элементами миростроительства считались примирение и взаимодействие между обществами. На Балканах мирные соглашения сочетались с инвестициями

в сотрудничестве на уровне гражданского общества, обменах между СМИ, программами возвращения людей в родные места. Все это было нацелено на восстановление социальной ткани. В Центральной и Восточной Европе — от Боснии и Герцеговины до Молдовы — международные и местные организации отдавали приоритет механизмам диалога, укреплению доверия между общинами, созданию правовых рамок для перемещенных лиц. Также и многие из ранних армяно-азербайджанских инициатив хоть и инициировались элитами и зачастую имели ограниченный масштаб, признавали необходимость общественного диалога и подготовки населения к миру.

Текущий же процесс осуществляется еще более узким кругом элит. Он не предполагает ни мер по возвращению беженцев или защите прав общин, пострадавших от конфликта, ни систематического рассмотрения вопросов сосуществования и примирения между обществами двух стран.

В данной работе предлагается общий рамочный подход к укреплению мира между Арменией и Азербайджаном, дополняющий и расширяющий переговоры по официальному мирному договору. Выводы получены в ходе экспертных встреч, состоявшихся в Абу-Даби в январе 2025 года и в Лондоне в июле 2025-го, и преобразованы в стратегию, которая может служить руководством для государственных структур, гражданского общества и международных партнеров². Цель — в согласовании постконфликтного перехода и политической нормализации с общественным примирением таким образом, чтобы выгоды мира ощущались в повседневной жизни обществ и закреплялись через институты, культуру и государственную политику.

Отправная точка анализа проста: соглашения могут положить конец войне, но переход к устойчивому миру требует комплексной работы с идентичностью, памятью и травмами, наряду с развитием экономических связей и процессов взаимного политического признания. Иными словами, предлагаемый в статье анализ выходит за рамки официальной дипломатии и фокусируется на процессах, остающихся вне текущего официального: в частности, на процессах формирования нарративов, поддержке мирного процесса внешними игроками, выгоды мира в повседневной жизни обществ. В работе выявляются структурные пробелы — травма, оспариваемые идентичности, отсутствие дивидендов мира в повседневной жизни, сужение гражданского пространства, геополитизация³ — и предлагаются стратегические пути для их решения.

Доклад состоит из четырех разделов, включая три стратегических направления, за которыми следует набор рекомендаций. Первый раздел посвящен поддержке формирования постконфликтной национальной идентичности с акцентом на исцеление травмы, работу с нарративами и памятью, а также реалистичные подходы к вопросам правосудия. Во втором разделе рассматривается вовлечение людей в мирный процесс на уровне стран и общин, включая совместные проекты и связи, которые

приносят ощутимые дивиденды широким слоям населения. Затем затрагивается вопрос создания синергетических сетей мирных акторов на основе образовательных инициатив, принципа солидарности и координации действий. Наконец, в четвертой части излагаются конкретные рекомендации для властей двух стран, гражданского общества и доноров, после чего следует краткое заключение, связывающее стратегию и действие.

Мы признаем, что процессы нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном с одной стороны и Арменией и Турцией с другой стороны являются неразрывно взаимосвязанными и взаимно обуславливающими друг друга, оставаясь при этом различными. Часть наблюдений и рекомендаций, прежде всего связанных с идентичностью, применима к обоим контекстам, тогда как другие носят более узкоспецифичный характер. Учитывая широкий охват и объем данной статьи, а также специализацию авторов, анализ сосредоточен главным образом на армяно-азербайджанской проблематике.

Доклад основан на эмпирических данных и ориентирован на практическую реализацию. Изложенные рекомендации были разработаны в ходе четырех стратегических семинаров с участием представителей экспертных сообществ и миротворческих организаций из Армении, Азербайджана и в отдельных случаях Турции. Встречи прошли в Абу-Даби, Брюсселе и Лондоне в январе, мае, июле и сентябре 2025 года. Предложения сформулированы так, чтобы их можно было реализовать при ограниченных ресурсах, адаптировать к меняющимся условиям и отслеживать во времени при помощи измеримых показателей прогресса — включая трансформацию нарративов и ощутимые улучшения жизни в приграничных районах и затронутых конфликтом сообществах. В совокупности эти предложения нацелены на создание условий, в которых понятие «мир» наполнится для жителей Армении и Азербайджана реальным содержанием.

Задачи доклада намеренно сформулированы амбициозно. Представленный анализ и рекомендации сформированы на основе консультаций с широким кругом заинтересованных сторон и аналитиков из Армении и Азербайджана и не предназначены для какого-то одного донора или организации. Они нацелены на формирование более широкого рамочного подхода к новому политическому контексту Армении и Азербайджана — всеобъемлющей стратегии, способной служить ориентиром для усилий по достижению устойчивого мира.

Многие рекомендации требуют дальнейших исследований, включая оценку реализуемости и учет политического контекста при разработке интервенций. Мы приглашаем коллег в Армении, Азербайджане и на международном уровне к взаимодействию с данным анализом, его критическому осмыслению и дальнейшему развитию в той мере, в какой они сочтут это уместным.

Стратегическое направление 1: формирование постконфликтной национальной идентичности

Крах Нагорного Карабаха как политического образования и вынужденный исход армянского населения в 2023 году ознаменовали не только завершение насильственной фазы многолетнего конфликта, но и окончательное закрытие карабахского вопроса как политического фактора, на протяжении долгого времени формировавшего идентичности как в Армении, так и в Азербайджане⁴. Более тридцати лет это был не просто территориальный спор, а ключевой нарратив, вокруг которого выстраивались национальная идентичность, политическая легитимность и повседневный дискурс. Разрешение проблемы на поле боя оставило после себя символический и эмоциональный вакуум. Вопрос теперь не только в том, кто контролирует Карабах, но и в дальнейших траекториях развития двух обществ, чье самовосприятие в значительной степени формировалось через призму конфликта.

Для Азербайджана восстановление суверенитета означало завершение длительной борьбы, которая десятилетиями подпитывалась нарративом войны и территориальных потерь, а также травмой массового перемещения населения. Теперь же язык победы звучит повсюду — в официальных речах, школьных учебниках и общественной памяти. Однако этот триумф носит преходящий характер. Он так и не был преобразован в ориентированное на будущее видение, способное консолидировать общество вокруг новых целей за пределами карабахского вопроса и восстановления территориальной целостности. Наследие конфликта по-прежнему формирует национальный менталитет, а усиливающаяся убежденность в мощи страны соседствует с глубоко укоренившимися обидами и неуверенностью.

**Более тридцати лет
это был не просто
территориальный спор, а
ключевой нарратив, вокруг
которого выстраивались
национальная идентичность,
политическая легитимность и
повседневный дискурс.**

Для большинства населения это наследие еще и предопределяет восприятие Армении. Представление о ней как об экзистенциальной угрозе уже не имеет прежнего веса. Но в официальном азербайджанском дискурсе продолжает повторяться мысль, что Армения в будущем может пойти на «реконквисту». В то же время в нарратив конфликта добавлено новое дискурсивное и символическое измерение в виде концепции «Западного Азербайджана»: в Баку так обосновывают право на возвращение в Армению азербайджанцев, ранее проживавших там. В Ереване это воспринимают как скрытую форму территориальных претензий.

Такой дискурс удерживает обе страны в логике обиды и незавершенного конфликта. При этом, в отличие от карабахской темы, это не функционирует как объединяющее национальное основание для азербайджанской нации: по словам одного высокопоставленного чиновника, Баку «держит этот вопрос в кармане»⁵ как встречное требование, которое можно использовать, если в будущем власти Армении начнут настаивать на возвращении карабахских армян вне рамок правовой системы Азербайджана. Такие нарративы удовлетворяют сиюминутные политические запросы, при этом сохраняется риск воспроизводства конфликтной логики, вместо того чтобы перейти к постконфликтной фазе.

В Армении утрата Карабаха спровоцировала глубокий кризис идентичности. Премьер-министр Никол Пашинян пытается заполнить этот вакуум идеей «Реальной Армении»⁶, призывая граждан отказаться от этнических и исторических понятий о государственности и перейти к гражданскому национализму, в рамках международно признанных границ страны. Его сторонники видят в этом шаге болезненную, но необходимую переориентацию на государствоцентричный реализм. Оппозиционными партиями, а также носителями этнонационалистических нарративов в гражданском обществе и академических кругах — как внутри страны, так и в диаспоре — это воспринимается как капитуляция, символизирующая отказ от прав армян Карабаха и за его пределами. В ряде случаев данное напряжение инструментализируется через совмещение легитимных требований пострадавших от конфликта с реваншистскими нарративами, что препятствует процессам переосмысления национальной идентичности.

В средней части спектра присутствуют голоса, которые принимают логику выхода из конфликта и видят смысл в концепции «Реальной Армении», однако рассматривают подход Пашиняна как чрезмерно авторитарный и недостаточно чувствительный к потребностям населения, пострадавшего от конфликта. В их восприятии речь идет скорее о навязывании концепции сверху, а не о переориентации, достигнутой благодаря диалогу с обществом. Как отметил один высокопоставленный западный дипломат, это похоже на попытку «обрабатывать золото кувалдой»⁷. В результате формируется глубокая поляризация, при которой общество разделено конкурирующими представлениями о том, кем являются армяне и к каким целям они должны стремиться.

Оба контекста подчеркивают проблему закрепления процесса переопределения постконфликтной национальной идентичности за политическими элитами. В Азербайджане почти полный контроль государства над национальным нарративом может обеспечить внутреннюю сплоченность в краткосрочной перспективе, но при этом есть риск, что армяне и дальше будут восприниматься в роли «чужих». Хотя в последнее время Баку использует куда более примирительную, чем раньше, риторику в отношении властей Армении, базовый нарратив остается прежним: армяне воспринимаются сквозь призму конфликта. Риторика мира обращена в завтрашний день, но ее логика все еще принадлежит дню вчерашнему.

В Армении односторонние усилия властей, навязывающих новую идентичность без широкого гражданского диалога, чреваты отчуждением тех, кто пострадал от конфликтов и чьи потребности в нынешних постконфликтных условиях остаются без внимания. Отсутствие консультаций и диалога мобилизует сопротивление со стороны независимых СМИ и академических кругов, которые привыкли к этнонациональным нарративам и постулату о единстве Армении и Карабаха. Стремясь заменить один официальный нарратив другим, группа у власти рискует сузить пространство для гражданской дискуссии, необходимой для подлинного обновления.

Соответственно, первое стратегическое направление миростроительства предполагает разграничение легитимных потребностей населения, пострадавшего от конфликта, от политической риторики, нацеленной на сохранение конфронтации. Можно выделить три фактора конфликта, связанных с легитимными потребностями пострадавших сообществ:

- не преодоленную травму тридцати лет войны и перемещения;
- отсутствие локальной субъектности в мирном процессе как на национальном уровне, так и на уровне сообществ, а также пагубное влияние геополитического соперничества;
- ограниченную профессиональную готовность местного гражданского общества к продвижению мирной повестки, усугубляемую дефицитом навыков, слабой солидарностью и отсутствием системного сотрудничества между миротворческими акторами.

1.1 Травма и ее преодоление

Война, насилие и вынужденные массовые перемещения оставили глубокие травмы, которые затрагивают не только отдельных людей, но и формируют коллективные нарративы, семейную память и политические решения.

В Армении после войны 2020 года появились инициативы по выявлению психологических травм и оказанию помощи перемещенным лицам. В 2023-м из Нагорного Карабаха бежали около 100 тыс. человек, что только обострило воспоминания о сотнях тысяч беженцев из Азербайджана в 90-е годы. Однако эти усилия остаются ограниченными по масштабу и слабо скоординированными. Многие ветераны войны неохотно обращаются за помощью, а общины, перемещенные в 90-е и в 2023 году, зачастую лишены внимания.

Распространенные дискурсы об армянах как жертвах предательства и забвения формируют общий язык страдания и вместе с тем могут усиливать ощущение беспомощности и подталкивать к обвинениям в адрес тех, кто напрямую пострадал от войн. В общественных дебатах и некоторых СМИ ветераны и перемещенные

лица иногда предстают не как жертвы, а как живое напоминание о потере. Подобные интерпретации укрепляют культуру непрожитого горя и затрудняют открытую дискуссию о путях исцеления и адаптации. Устойчивый нарратив жертвенности и покинутости затрудняет трансформацию и долгосрочные, ориентированные на будущее стратегии восстановления.

Тем временем в Азербайджане травма связана с опытом переселений и насилия в 1990-е годы. К середине 90-х в стране насчитывалось порядка 750 тыс. перемещенных лиц — около 186 тыс. беженцев из Армении и еще 560 тыс. из Нагорного Карабаха и прилегающих районов. Совокупно — примерно 10% населения Азербайджана⁸. При этом изгнанные из Армении классифицировались как беженцы, а выходцев из Нагорного Карабаха и прилегающих областей регистрировали как внутренне перемещенных лиц. И это трансформировалось в одну из самых серьезных социальных проблем страны. В течение трех десятилетий более полумиллиона человек, покинувших Нагорный Карабах и прилегающие области, несли бремя утраты в повседневной жизни, что усиливало чувство несправедливости и унижения. В свою очередь, беженцы из Армении постепенно интегрировались в общество, хотя и их воспоминания тоже оставались частью более широкой картины перемещения азербайджанцев.

Возвращение контроля над Карабахом в 2020 году было воспринято как восстановление исторической справедливости, но эмоциональное бремя многолетней вынужденной ссылки не исчезло в одночасье. Если бы возвращение и переселение проходили быстрее, это помогло бы смягчить коллективную травму и позволило бы людям вновь обрести чувство дома после десятилетий проживания вдали от родных мест. Однако масштабные восстановительные работы и необходимость разминирования территорий сильно замедляют процесс — по состоянию на лето 2025 года в Карабах вернулись лишь около 25 тыс. азербайджанцев. Дополнительной проблемой остаются посттравматические расстройства среди ветеранов войны 2020 года, многие из которых злоупотребляют психоактивными веществами. Глубину кризиса подчеркивают также высокие уровни социальной изоляции и самоубийств среди бывших комбатантов⁹. Поддержка им оказывается слабая: социально-психологические услуги развиты плохо, а иностранные доноры, участвующие в постконфликтном восстановлении, не считают психическое здоровье приоритетной для себя темой.

При этом одной лишь индивидуальной терапии для преодоления травмы недостаточно: нужно учитывать ее политическое и социальное измерения. Нарративы о травме подпитывают национальные дискурсы о жертвах или победе, которые используются элитами и передаются из поколения в поколение. Без должной поддержки травма воспроизводится в форме недоверия азербайджанцев и армян друг к другу и приводит к сопротивлению мирному процессу. Поэтому задача преодоления травмы должна быть поставлена перед

Без должной поддержки травма воспроизводится в форме недоверия азербайджанцев и армян друг к другу и приводит к сопротивлению мирному процессу.

различными институтами, системой образования, обществом как таковым. Местные традиции заботы о тех, кто в этом нуждается, играют не менее значимую роль, чем клинический уход. То же можно сказать о роли искусства и сторителлинга. Работа с травмой должна носить инклюзивный характер и признавать особые потребности женщин, лиц, оказывающих уход, перемещенных семей, ветеранов.

Если травму не лечить, она превращается в барьер на пути к нормализации отношений, из-за чего даже в случае подписания официальных договоров общества остаются в плену взаимных обид. Однако если травму признают и прорабатывают, она может стать основой для взаимной эмпатии — невзирая на все разногласия. Опыт постконфликтных инициатив — от Западных Балкан до Кипра, от Северной Ирландии до Колумбии — показывает: структурированные программы обмена, совместные памятные мероприятия или даже параллельные, но одновременные ритуалы могут заложить фундамент для взаимного сочувствия к страданиям без необходимости немедленного политического компромисса.

1.2 Формирование постконфликтных идентичностей и нарративов, работа с памятью

Формирование идентичности — это не только сфера высокой политики, но и результат образования, культурного просвещения, практик памяти¹⁰. В 1990-е годы Армения и Азербайджан переписали свои школьные учебники: устранили советский нарратив о сосуществовании народов и акцентировали внимание на конфликтах и национальных обидах. Поколения студентов привыкали воспринимать другую сторону как исторического врага, и это наследие продолжает формировать коллективное воображение. Мир же упоминается лишь как результат победы, а не сосуществования.

В последние десятилетия этот антагонизм был ключевым элементом государственного строительства в обеих странах. Конфликт, начавшийся в конце 1980-х годов как спор об административном статусе советской Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), перерос в этнические чистки, массовые перемещения местных жителей и войну, которая вышла за пределы региона и превратилась в фундамент постсоветской государственности. В Армении оборона Карабаха стала символом выживания в борьбе с «тюркскими и исламскими колонизаторами». В Азербайджане утрата региона воспринималась как унижительный отъем законных территорий и историческая несправедливость в рамках экзистенциальной борьбы с «христианским империализмом», который в данном случае ассоциировался с армянами.

Эти нарративы пронизывали деятельность госинститутов, школьные программы, политику по установке памятников, культуру. Они нормализовали вражду, поддерживая то, что британский профессор Майкл Биллиг называет «банальным национализмом»¹¹. Со временем конфликт стал центральным элементом самосознания армян и азербайджанцев.

Если говорить про азербайджанскую культуру, то армян обычно изображают как врагов. А в последнее время государство стало в приоритетном порядке финансировать проекты, развивающие тему восстановления справедливости и победы. В Армении преобладает тематика утраты, предательства и экзистенциальной неуверенности. Независимые пространства, где авторы пытаются исследовать общую историю или гуманизировать противоположную сторону, остаются маргинальными и зачастую подвергаются стигматизации.

Война 2020 года и исход населения из Карабаха в 2023-м покончили с территориальной стороной конфликта, но не с теми его составляющими, что связаны с идентичностью. К примеру, в Азербайджане победа позволила расстаться с ролью жертвы: сейчас в центре внимания — «гордость» и «амбиции». Это нашло отражение в восстановлении города Шуша как символа национального возрождения, превращении «Западного Азербайджана» в основу нарратива об исторической справедливости, а в последнее время и в стремлении переосмыслить Ханкенди, с 1923 года служивший административным центром НКАО, а позднее непризнанного Нагорного Карабаха как Степанакерт, в город, воплощающий азербайджанский суверенитет.

В Армении же поражение спровоцировало глубокий кризис. На протяжении десятилетий защита Карабаха была источником гордости и легитимности, а его утрата привела к разлому идентичности. И в то время как армянский премьер Пашинян продвигает идею «Реальной Армении» в пределах признанных границ, реваншистские настроения сохраняются.

Такая асимметрия — уверенность в себе Азербайджана и общественная фрагментация в Армении — нарушила старое равновесие, но оставила нетронутым каркас соперничества. Система образования, коллективная память и медиа по-прежнему придерживаются логики конфликта, а интеллектуальные элиты заинтересованы в сохранении антагонизма.

Если нынешняя инерция закрепится в виде нового статус-кво, регион рискует вернуться к циклам насилия. Хотя нынешние армянские власти не оспаривают политический статус Карабаха, он остается предметом спора как место памяти и идентичности, а также как историческая и потенциальная будущая отчизна. В первую очередь это касается карабахских армян, организованной диаспоры, оппозиционных групп и многочисленных общественных деятелей в Армении. Задача сегодня заключается не только в согласовании границ, но и в переосмыслении самих основ идентичности.

1.3 Помощь пострадавшим от конфликта и примирение

В повестке переговоров между Арменией и Азербайджаном практически полностью отсутствует вопрос общественного примирения, хотя он имеет ключевое значение для прочного урегулирования. Политические соглашения могут оказаться хрупкими и неполными, если в процессе нормализации отношений и выработки новых национальных нарративов не будет признан причиненный обеим сторонам вред и не восстановится социальная ткань. Незалеченная травма и борьба за новый национальный нарратив отражают разрыв между миром после Второй карабахской войны, выстроенным в логике *realpolitik*, и представлениями о справедливости. И в Армении, и в Азербайджане высокопоставленные лица постоянно повторяют соперничающие друг с другом исторические нарративы, зачастую пронизанные теориями заговора и избирательным толкованием событий. И это лишь усиливает недоверие и поддерживает чувство коллективной обиды.

В настоящее время любые обсуждения вопросов справедливости или примирения отсутствуют в официальной армяно-азербайджанской повестке. Власти обеих стран рассматривают нормализацию как чисто технический вопрос о границах, транспортных коридорах и посольствах. Текст мирного соглашения содержит положения, согласно которым обе стороны обязуются отозвать из международных судов взаимные иски о нарушениях прав человека. Но при этом не указывается, будут ли созданы альтернативные механизмы для решения проблем, вызванных многолетним насилием и перемещением жителей. Однако прежние обиды, судьбы пропавших без

вести и коллективные утраты остаются открытыми ранами, оставляя значительные слои населения неудовлетворенными ходом мирного процесса. Хотя парафированное соглашение содержит положение о пропавших без вести и предполагает проведение расследований, обмен информацией и возвращение останков, это не смягчило чувство несправедливости ни у пострадавших семей, ни у широкой общественности.

Подход, который традиционно ассоциируется с «переходным правосудием», не может осуществляться без уголовных судов или комиссий по установлению истины — а их создание политически невозможно. В результате попытки добиться справедливости рискуют скатиться к тому, что мы называем

**«Переходное правосудие»
не может осуществляться без
уголовных судов или комиссий
по установлению истины — а их
создание политически невозможно.
В результате попытки добиться
справедливости рискуют
скатиться к тому, что мы называем
«транзакционным правосудием»,
то есть к решениям, которые
диктуются более сильной стороной
и представляются как необходимые
условия для достижения мира.**

«транзакционным правосудием», то есть к решениям, которые диктуются более сильной стороной и представляются как необходимые условия для достижения мира. Таким образом, правосудие все меньше предстает в форме взаимной ответственности и все больше — в виде требований одной из сторон, чтобы другая совершала по меньшей мере символические акты подчинения: извинялась или признавала свою вину.

Между тем альтернативные символические и прагматические подходы к потребностям пострадавшего от конфликта населения возможны и, более того, необходимы. Достойное обращение с останками мирных жителей, прозрачный учет пропавших без вести, признание страданий гражданского населения и возмещение ущерба всем лишившимся крова могли бы заложить основу доверия, а также взаимного принятия новых, мирных реалий. Эти вопросы остаются крайне чувствительными в обеих странах, где тысячи людей числятся пропавшими без вести в результате войн и конфликтов. Азербайджан заявляет о 3990 пропавших без вести¹², Армения — о 970¹³. При этом обнаружение и опознание останков зачастую лишь подпитывает политическую напряженность, а не способствует решению общих гуманитарных проблем. Диалог на уровне общин — будь то среди возвращающихся перемещенных лиц в Азербайджане или пострадавших от войны армянских семей — мог бы выявить истины, которые остаются вне поля зрения официальных каналов.

Признание — ключевой первый шаг в рамках любого процесса примирения. Это не только важный, но и самый трудный шаг, потому что он бросает вызов национальным нарративам и обязывает к немалой ответственности. Более чем три десятилетия в политической и миротворческой повестке преобладали споры о том, как сосуществовать армянам и азербайджанцам. Но более глубокая проблема всегда заключалась в том, могут ли оба общества действительно признать право друг друга на существование. Подлинное примирение требует не только осознания собственных потерь, но и признания и принятия ответственности за потери другой стороны, что особенно сложно после многолетнего повторения националистических нарративов и взаимных обвинений.

В Азербайджане возвращение перемещенных лиц представляет собой еще и логистическую проблему, для решения которой необходимо разобраться с вопросами социальной интеграции, восстановления общин, обеспечения людей средствами к существованию и преодоления травм. В Армении примирение предполагает создание политических и гражданских пространств, где признание страданий другой стороны не будет расцениваться как предательство.

Оба государства располагают необходимыми ресурсами, но у инвестиций в решение проблемы примирения и гуманитарных вопросов есть чувствительный политический аспект: их могут воспринимать как принятие ответственности. В результате таким инициативам редко отдается приоритет при разработке национальных бюджетов. Поэтому важную роль здесь способны сыграть международные партнеры, включая ЕС, институты ООН и благотворительные организации: они могут сотрудничать с

местными организациями гражданского общества, помогать в работе с документами и в подготовке символических примирительных жестов, содействовать трансграничному обмену. Это касается вопросов, не требующих необходимости формального межправительственного одобрения.

Путь к стратегическому направлению 1

Поддержка постконфликтной национальной идентичности — основа, на которой должен выстраиваться любой мирный процесс. Какие бы документы ни подписывали правительства, общества не смогут приспособиться к миру, если остаются в плену травм и воспоминаний о конфликте. Задача не из простых: преобразовать победу и поражение в обновление и признание; перейти от обиды к достоинству.

Сравнительный опыт показывает, что это возможно, но требует целенаправленных усилий. В Северной Ирландии трансформации национальной идентичности способствовали комплексные образовательные программы, устойчивый общественный диалог, институциональное признание различных нарративов страдания. На Западных Балканах инициативы местного гражданского общества — молодежные обмены, совместные памятные мероприятия, проекты по установлению истины — помогли смягчить самые острые моменты в деле построения послевоенной идентичности, несмотря на сопротивление политических элит. В Хорватии и Сербии программы возвращения людей на прежние места жительства в сочетании с публичным, пусть и неполным, признанием потерь, заложили основу для более прагматичных трансграничных отношений. Эти примеры показывают, что переосмысление идентичности после конфликта — это поколенческий процесс, неразрывно связанный с ситуацией в образовании, культуре, общественном дискурсе, а также с готовностью говорить о потерях. Не только своих, но и чужих.

Необходим трехкомпонентный подход: институционализация работы с травмой, инвестиции в формирование постконфликтной национальной идентичности через образование и культуру, а также внедрение механизмов правосудия, которые позволили бы признать потери и одновременно способствовали бы сосуществованию народов. Опыт Северной Ирландии, Южной Африки и Колумбии показывает: примирение становится устойчивым тогда, когда система образования, гражданский диалог и упомянутые нами механизмы действуют согласованно. Напротив, в Боснии и на Кипре мир остается хрупким из-за фрагментарных или политически ограниченных усилий.

Быстрых решений здесь не существует: речь идет о долгосрочных стратегиях, которые нужно претворять в жизнь терпеливо и зачастую опосредованно. Однако без них любые соглашения рискуют остаться лишь на бумаге, а мир окажется неустойчивым.

Стратегическое направление 2: вовлечение в мирный процесс на местном уровне

С начала войны 1990-х годов Армения и Азербайджан редко общались напрямую. Боевые действия велись при поддержке союзников, а переговоры шли через посредников, при этом обе страны искали себе сочувствующего спонсора из числа великих держав. В течение тридцати с лишним лет процесс во многом предопределялся внешними игроками. Однако сопротивление на местном уровне вкупе с растущей геополитической конкуренцией между посредниками чаще препятствовало миру, чем способствовало ему. Вовлечение в мирный процесс на местном уровне и усилия по примирению оставались маргинальными и разрозненными, сдерживались доминирующими элитами и внешними посредниками, а также фактически лишали голоса гражданское общество и перемещенных лиц.

Эта модель сохранилась и после Второй карабахской войны 2020 года, когда посредничество снова стало предметом соперничества держав: с одной стороны — Москва, с другой — Брюссель и Вашингтон. Мирному процессу это скорее мешало. Тем временем Анкара, не выступая посредником, превратилась в важного регионального игрока, поддерживавшего Баку и расширявшего свое влияние на Южном Кавказе, в том числе за счет собственного процесса нормализации отношений с Арменией. Таким образом, препятствия заключались не только в борьбе между иностранными столицами, но и в постимперском мышлении самих местных игроков. Выходя из тени империй — Османской, Персидской и Российской — страны Южного Кавказа сохранили вертикальные, иерархические дипломатические привычки, сформированные за долгие годы подчинения. Отстаивая собственные интересы, они привыкли обращаться не напрямую к соседям, а к своим метрополиям.

Такой подход начал меняться в конце 2023 года, когда Баку и Ереван отказались от практики так называемого «forum shopping», то есть маневрирования между различными международными площадками и посредниками, и перешли к прямым переговорам¹⁴. Это позволило добиться быстрого прогресса, хотя он остается хрупким и уязвимым перед лицом возобновившейся геополитической конкуренции и соблазна вновь передать ответственность за процесс внешним игрокам, что может создать условия для нового конфликта.

Но если власти вернули себе контроль над мирным процессом, то обычные граждане по-прежнему воспринимают мир как нечто далекое

В конце 2023 года Баку и Ереван отказались от практики так называемого «forum shopping», то есть маневрирования между различными международными площадками и посредниками, и перешли к прямым переговорам.

от их повседневной жизни. Отсутствие трансграничного взаимодействия и ощутимых изменений в повседневной жизни приводит к тому, что мир воспринимается прежде всего как часть официального дискурса, а не как повседневный опыт. Окончание полномасштабных боевых действий в 2023 году принесло людям облегчение и хрупкое ощущение стабильности, однако для большей части населения наступление мирного времени остается нарративом из дипломатических заявлений и текстов в СМИ. На местах новые реалии не чувствуются.

Для укрепления мира его нужно переосмыслить как процесс, реализуемый на местном уровне и приносящий ощутимые выгоды. Это требует активного участия не только национальных элит, но и педагогов, местных властей, гражданского общества и лидеров общин. Кроме того, нужно уменьшить вредоносное внешнее влияние (в том числе вследствие геополитического соперничества, которое долгое время подпитывало взаимное недоверие) и избегать международных инициатив, игнорирующих локальные реалии. Напротив, партнерства должны активнее привлекать местных участников, интегрировать мирный процесс в проекты по развитию связей, приносящие выгоды на уровне общин, и обеспечивать такие формы нормализации, дивиденды от которых получали бы широкие слои населения. Чтобы нормализация отношений между Арменией и Азербайджаном вышла за рамки формальных межгосударственных соглашений и стала устойчивой, она должна укорениться в самих обществах.

2.1 Сокращение негативного геополитического влияния и выстраивание взаимовыгодных партнерских отношений с ЕС и другими международными игроками

Южный Кавказ — это пространство острой геополитической конкуренции, своего рода рынок соперничающих влияний, где региональные и внешние державы борются за рычаги воздействия. Однако в последние годы ни одной из них не удалось добиться решающего преобладания. Иллюстрацией может служить платформа «3+3», предложенная в 2020 году и впервые собравшаяся годом позже. «3+3» — это Азербайджан, Армения и Грузия, а также Россия, Турция и Иран. При этом Грузия сразу дистанцировалась от этого формата и не принимает в нем участия¹⁵. Платформа, задуманная как форум регионального сотрудничества, не стала привлекательной, что отразило как ослабление влияния ее участников, так и сохраняющееся соперничество между ними.

У России есть пусть и сокращающееся, но по-прежнему значимое присутствие в сфере безопасности Армении. Турция тесно связана с Азербайджаном и время от времени демонстрирует готовность к улучшению отношений с Арменией. Иран позиционирует себя как противовес западному влиянию. Участие США и ЕС в делах региона обусловлено смесью прагматических интересов и нормативной риторики. Грузия находится в подвешенном состоянии — в последнее время она не придерживается четкого внешнеполитического курса, но часто предлагает себя в качестве нейтральной

площадки для диалога между Азербайджаном и Арменией. Каждый участник конкурирует за влияние на мирный процесс и зачастую выдвигает тезисы, которые усиливают конкуренцию и отодвигают на второй план местные потребности.

В это геополитическое противостояние вовлечены не только региональные игроки. Индия и Пакистан рассматривают конфликт через призму собственного соперничества: Дели все больше сближается с Арменией, тогда как Исламабад поддерживает Азербайджан. Израиль стал ключевым партнером Баку в сфере безопасности. А Греция и Франция предложили политическую поддержку Еревану. Тем самым противостояние между Арменией и Азербайджаном вышло на глобальную арену, что еще больше осложняет усилия по достижению мира на локальном уровне.

У этих внешних факторов есть вполне конкретные последствия: переговорные позиции стали жестче, диалог — и без того хрупкий — отравлен недоверием, а общественное восприятие мира сместилось от гражданского процесса к геополитической игре. Так, недавняя инициатива Швейцарии о возможном возвращении карабахских армян была истолкована некоторыми армянскими гражданскими деятелями как шаг к примирению на основе принципов соблюдения прав человека. В Азербайджане же ее расценили как незаконную попытку вновь поднять уже закрытый вопрос, что усилило подозрения во внешнем вмешательстве и подорвало доверие к более широкому мирному процессу.

Одновременно с этим в Ереване бытует точка зрения, что Запад предоставил Баку полную свободу действий¹⁶. Это вывод из двух обстоятельств. Во-первых, растущего сотрудничества Европы с Азербайджаном на фоне зависимости ЕС от азербайджанского газа, которая возросла после начала российского вторжения в Украину. А во-вторых, молчания Европы по поводу перемещения карабахских армян вследствие применения силы Азербайджаном.

Впрочем, снижение вредоносного геополитического влияния не означает полного исключения внешних игроков. Речь идет о необходимости выстраивания более сбалансированных и взаимовыгодных отношений — между правительствами с одной стороны и местными властями и гражданским обществом — с другой. Мир не может быть навязан извне и будет оставаться хрупким, если внешние силы продолжат рассматривать Южный Кавказ как арену соперничества. В центре процесса должны быть местные инициативы — политические, гражданские и связанные с теми или иными общинами.

Для этого необходимо, во-первых, стимулировать местных игроков к отказу от практик, превращающих их в инструменты внешнего влияния. Во-вторых, в приоритетном порядке поддерживать укрепление лидерства на местах. В-третьих, предоставлять консультационную помощь, способствующую вовлечению в миротворчество представителей армянского и азербайджанского гражданского общества. В-четвертых, формировать нарративы, которые будут служить противовесом

спекуляциям и пропаганде. Сети диаспоры, при всей их значимости, целесообразно ориентировать на деятельность в интересах местных сообществ — содействовать преодолению травматического опыта, поддерживать образовательные инициативы и оказывать практическую помощь жителям приграничных районов, — а не продвигать символические максималистские требования.

Когда-то внешние акторы играли более значимую роль в мирном процессе между Арменией и Азербайджаном, однако в последние годы их присутствие резко сократилось.

Когда-то внешние акторы играли более значимую роль в мирном процессе между Арменией и Азербайджаном, однако в последние годы их присутствие резко сократилось. Азербайджан фактически перестал пользоваться внешней помощью. В Армении международные проекты продолжаются, но имеют довольно скромный и малозаметный характер. Такое сужение поля деятельности внешних акторов отражает внутривнутриполитическую динамику (в частности, почти полный запрет на иностранное финансирование

и деятельность НКО в Азербайджане) и более значимые тренды, включая перенаправление ресурсов в Украину и на другие более масштабные международные кризисы. В результате уровень донорской поддержки стран Южного Кавказа резко снизился, причем в Армении и Азербайджане это особенно сильно сказалось на инициативах в сфере миростроительства и развития гражданского общества.

Кроме того, многие из сохраняющихся проектов в области миростроительства делают больший акцент на медийности, чем на содержательной глубине. В портфолио доноров и исполнителей преобладают конференции высокого уровня, краткосрочные, но громкие инициативы, а также диалог с элитами. А вот долгосрочные стратегические усилия по улучшению жизни пострадавших от конфликта общин не получают ни должного внимания, ни достаточного финансирования. Это касается даже тех сфер, где возможна результативная работа: именно на этот пробел указывает и пытается его устранить данное исследование.

В результате мирный процесс развивается в такой среде, где исполнители сталкиваются не только с политическими ограничениями на местах, но и с давлением со стороны доноров, что затрудняет их работу в интересах обоих обществ. Впрочем, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, регион по-прежнему предлагает возможности для конструктивного взаимодействия. Особенно актуально это для тех акторов, которые располагают ресурсами и авторитетом и потому способны поддерживать инициативы, ощутимо улучшающие жизни затронутых конфликтом людей.

У Евросоюза и входящих в него стран есть все возможности для изменения положения дел. Будучи нормативными акторами, они обладают авторитетом, ресурсами и дипломатическим влиянием для поддержки инициатив на местном уровне, однако это требует пересмотра сложившейся практики. Вместо того чтобы все больше

зависеть от международных исполнителей, доноры могли бы постепенно привлекать их к долгосрочным усилиям по трансформации ситуации на местах. Например, к поддержке местных исследовательских и образовательных центров, молодежных групп и низовых организаций, которые работают напрямую с пострадавшими от конфликта общинами и пользуются доверием у населения. Поскольку приоритеты финансирования смещаются в другие регионы, международные институты могут внести наибольший вклад, выступая в роли посредников и организаторов помощи, а также помогая местным субъектам налаживать трансграничные связи и использовать глобальный опыт.

Среди прочего, взаимодействие также должно адаптироваться к репрессивным условиям на местах. В Азербайджане явные связи с западными донорами могут быть опасными для местных организаций, поэтому поддержка должна быть конфиденциальной, долгосрочной и гибкой. Стипендии, гранты и неформальные образовательные программы позволяют сохранять гражданский потенциал, не подвергая отдельных участников риску политического преследования. В Армении гражданское пространство шире, но при этом более поляризовано, поэтому там следует делать акцент на инклюзивности. Задача — не допустить монополизации миротворческого нарратива властями или оппозицией.

Важную роль играют и платформы в третьих странах. Тбилиси, Батуми или даже столицы государств ЕС могут принимать армяно-азербайджанские инициативы в тех случаях, когда трансграничное взаимодействие на местах становится небезопасным. При конструктивном подходе диаспоры также способны предоставлять дополнительные безопасные пространства. Доноры должны рассматривать такие платформы не как площадки для разовых мероприятий, а как устойчивые экосистемы, в рамках которых выстраиваются и поддерживаются долгосрочные связи.

Наконец, партнерство должно выйти за рамки подхода «мир как безопасность» и охватывать также вопросы справедливости и охраны окружающей среды. Инициативы, связывающие вопросы мира в регионе с управлением водными ресурсами, реагированием на лесные пожары или адаптацией к изменению климата, зачастую не так чувствительны в политическом плане и в большей степени отвечают местным потребностям. Такое партнерство между различными секторами может способствовать нормализации сотрудничества без втягивания сторон в идеологические баталии.

2.2 Развитие региональных связей и инфраструктуры

Проекты по налаживанию связей часто приводятся в качестве примера экономических дивидендов мирного урегулирования. Благодаря им люди могут увидеть в нормализации отношений не абстрактную дипломатию, а ощутимую выгоду. Однако сами по себе транспортные связи не обеспечивают мир. На Южном Кавказе многие маршруты и инфраструктурные планы формировались в условиях многолетней

конфронтации и были обусловлены военными нуждами, поэтому приоритет отдавался контролю и обособлению, а не обмену ресурсами и сотрудничеству. Для содействия миру транспортные связи должны приносить очевидную выгоду людям — создавать рабочие места, улучшать мобильность, способствовать контактам между жителями обеих стран. Поэтому такую инфраструктуру следует рассматривать не только в экономическом, но и в политическом и социальном ключе. К ней нужно применять критерии прозрачности и предпринимать целенаправленные усилия для того, чтобы она не становилась инструментом геополитического торга или источником неравенства.

В частности, транспортная инфраструктура может открывать перед жителями приграничных районов новые возможности, а может грозить им отчуждением. Автомобильные и железные дороги способны расширять доступ к рынкам, но риски в том, что не всегда ключевые выгодополучатели — это местные экономики. Нередко всеми возможными привилегиями пользуются транснациональные компании. При обсуждении крупномасштабных проектов на государственном и региональном уровнях мнение общин, которых они непосредственно затрагивают, подчас остается вне внимания. Это подрывает доверие к проектам и усиливает ощущение, что нормализация приносит выгоду только правительствам и внешним субъектам.

Каналы связи не должны ограничиваться физической инфраструктурой. Мобильность в области культуры и упрощенные визовые режимы для художников, ученых и студентов могут создавать «мягкие коридоры обмена». Совместные образовательные программы, культурные фестивали и цифровое сотрудничество не менее важны, чем дороги и трубопроводы. Именно такие практики способствуют формированию привычек сотрудничества, а также полноценному признанию другой стороны. Одних физических коридоров для этого недостаточно.

2.3 Выгоды мирного урегулирования в повседневной жизни

Возможно, самое важное с точки зрения вовлечения в мирный процесс на местах — это то, ощущают ли обычные люди в своей повседневной жизни наступление мира. Если говорить об азербайджано-армянском конфликте, то ответ такой: на текущий момент скорее нет. «Война» — это понятное, знакомое, осязаемое явление, тогда как «мир» абстрактен и неуловим, это понятие политизировано и используется в рамках нарративов о несправедливости.

В Армении сторонники мирного урегулирования часто ставят знак равенства с понятием «безопасность» или хотя бы «отсутствие новой войны». Противники нынешнего курса властей видят капитуляцию, несправедливость и оправдание свершившегося перемещения людей из Карабаха. Тем временем в Азербайджане приверженцы мира часто сводят его к дипломатическим соглашениям между государствами, почти не задумываясь о сосуществовании народов. А их оппоненты

рассматривают мир как неоправданную уступку врагу. Общественные дебаты и повседневные разговоры в обеих странах показывают, что переход к мирной жизни воспринимается как нечто, чем заняты элиты, но не обычные граждане. В армянском и азербайджанском обществах мир остается понятием, малозначимым с точки зрения практических преимуществ и далеким в эмоциональном плане.

Для решения этой проблемы миротворчество должно включать в себя такие аспекты, как защита человеческого достоинства, мобильность, обеспечение нормальной жизни и полноценное признание другой стороны. Граждане должны ощутить конкретные выгоды, которые покажут, почему важна нормализация отношений. В нейтральных пространствах — общественных центрах, библиотеках, молодежных клубах — могут проходить встречи в формате диалога. Важны и другие неполитизированные форматы взаимодействия. Их использование позволит шаг за шагом нормализовывать сосуществование двух народов. Табу на трансграничные инициативы необходимо снять. Небольшие проекты — медицинские караваны, школьные обмены, спортивные лиги и так далее — могут сделать мирный процесс намного более зримым, чем любые договоры. И даже такие символические жесты, как праздничные поздравления в дни независимости, во время Новруза, Пасхи и Рождества, имеют позитивный потенциал. Главное — не слишком политизировать подобные жесты.

Чтобы проекты в сфере транспорта и инфраструктуры способствовали миру, они должны приносить пользу пострадавшему от конфликта населению Армении и Азербайджана, увязывая строительство с созданием рабочих мест, защитой окружающей среды, обеспечением безопасности. Долгосрочная устойчивость проектов с точки зрения экономической привлекательности напрямую зависит от прочности мира и уровня безопасности в регионе. Создание этих проектов с прицелом на долгосрочный мир обосновано и с точки зрения ценностей, и с точки зрения практической пользы.

Помимо прокладки торговых путей, важно сосредоточиться и на более скромных инициативах: налаживании цепочек поставок для местных производителей, развитии сферы гостеприимства, организации совместных туристических проектов, оказании цифровых услуг. Это покажет местным жителям конкретные выгоды от восстановления мира и убедит их в целесообразности поддержания нового статус-кво.

Наконец, повседневные выгоды зависят еще и от эффективной коммуникации. Гражданам необходима доступная информация о том, что именно подразумевает слово «мир». Сложные политические процессы следует объяснять в упрощенной форме — через инфографику, публичные выступления или короткие видеоматериалы,

В армянском и азербайджанском обществах мир остается понятием, малозначимым с точки зрения практических преимуществ и далеким в эмоциональном плане.

помогающие восполнять пробелы в знаниях. Люди будут стремиться к миру, если увидят, что его наступление может позитивно сказаться на безопасности, улучшить повседневную жизнь и повысить мобильность.

Путь к стратегическому направлению 2

Для усиления приверженности миру на местах необходимо фундаментальное изменение подхода к миростроительству. Это требует отказа от концепции «мира» как геополитической игры и результата переговоров между элитами. Необходим переход к восприятию миростроительства как гражданского и повседневного процесса. Для этого потребуются четыре взаимосвязанных шага.

Во-первых, местные участники должны сотрудничать, чтобы **снизить воздействие геополитических искажений** и добиться приоритета собственной повестки над внешними интересами. В последние два года власти предприняли ощутимые шаги в этом направлении: например, были пересмотрены прежние обязательства по передаче контроля над границами и транспортными маршрутами российским спецслужбам, а также приняты другие меры, направленные на повышение автономии и учет местных интересов. Участники гражданского общества также нарастили прямое двустороннее взаимодействие и должны дальше расширять трансграничное сотрудничество в самых разных сферах.

Во-вторых, **партнерство с внешними силами нужно перестроить** так, чтобы оно расширяло возможности, а не сужало их. Доноры должны обеспечивать долгосрочную, конфиденциальную поддержку, ориентированную на местные нужды. Им следует избегать соблазна подменять содержательную работу стремлением к краткосрочному медийному эффекту.

В-третьих, **транспортные связи должны быть инклюзивными** и выстраиваться так, чтобы инфраструктурные проекты приносили ощутимые выгоды приграничным общинам, а не обслуживали исключительно государственные или региональные интересы.

В-четвертых, **мир должен быть ощутимым**, то есть приносить пусть и небольшие, но реальные дивиденды: речь идет об общих пространствах, культурной мобильности и повседневных контактах, которые способствуют нормализации факта сосуществования двух народов.

Без этих шагов мир в регионе будет оставаться понятием абстрактным, показным и неустойчивым. Если же они будут предприняты, то нормализация сможет выйти за рамки государственной риторики и стать частью повседневной жизни.

Стратегическое направление 3: формирование синергетических сетей участников мирного процесса

Мирный процесс редко выживает в изоляции. Он требует создания разветвленной сети участников, которые могут поддерживать диалог, продвигать примиренческий дискурс и внедрять мирную повестку в повседневную практику. Однако и в Армении, и в Азербайджане такие сети по-прежнему остаются слабыми, разобщенными и неравномерно развитыми. Неправительственная сфера разделена поколенческими, секторальными и идеологическими границами. Образование не столько учит сотрудничеству, сколько воспроизводит паттерны антагонизма. А механизмы донорского финансирования поощряют конкуренцию и фрагментацию пространства, при этом вознаграждая не за содержательную работу, а за формальное выполнение требований.

В Азербайджане ограничения, наложенные на гражданское общество, вынуждают многих участников прибегать к закодированному языку, отправляться в изгнание или просто молчать. В Армении же доверие к инициативам подрывают поляризация общества и его усталость.

Но даже в таких неблагоприятных условиях, когда официальный мирный процесс наталкивается на все новые препятствия, инициативы в сфере миростроительства демонстрируют устойчивость. Проблема заключается не в отсутствии участников мирного процесса, а в их изоляции друг от друга, нехватке ресурсов, а также уязвимости перед политическим и социальным давлением. Формирование синергетических сетей предполагает объединение разрозненных участников, расширение программ обучения диалогу и ненасильственному взаимодействию, а также укрепление солидарности, помогающей сопротивляться постоянно растущим ограничениям и поляризации.

3.1 Образование как инструмент решения постконфликтных проблем

Образование — ключевая сфера, где будущие поколения могут расширять границы своего воображения и отрабатывать механизмы внедрения изменений. Однако и в Армении, и в Азербайджане образовательные системы в течение долгого времени навязывали учащимся нарративы о постоянном соперничестве и о том, что в этой игре не может быть двух победителей. В учебниках другая сторона объявляется врагом, главной целью — победа, а мирное сосуществование — нереалистичным¹⁷. Критическое осмысление конфликта не поощряется, а альтернативные нарративы отсутствуют. В итоге выпускники хорошо знают о претензиях к другой стороне, но не готовы к примирению.

Отсутствие системного образования, ориентированного на диалог и примирение, создает межпоколенческий разрыв. Если те, кто вырос в 1990-е и 2000-е годы, имели к нему некоторый доступ, то сегодняшняя молодежь наследует травму, но не получает инструментов для ее преодоления.

молодые люди могли встречаться со своими сверстниками из другой страны, обсуждать, как они справляются с последствиями пережитого насилия, и проникаться доверием друг к другу¹⁸. Многие участники говорят, что это был важный опыт, изменивший их представление о самих себе, своих обществах и другой стороне. Однако масштаб этих программ остается скромным, они ориентированы на жителей городов и уязвимы к политическим колебаниям.

Отсутствие системного образования, ориентированного на диалог и примирение, создает межпоколенческий разрыв. Если те, кто вырос в 1990-е и 2000-е годы, имели к такому образованию хоть некоторый доступ, то сегодняшняя молодежь наследует травму, но не получает инструментов для ее преодоления. В Армении после событий 2020 и 2023 годов молодое поколение переживает глубокое разочарование: одни замыкаются в себе, другие переходят на жесткие националистические позиции. Такие настроения подтверждаются данными недавних опросов: молодежь заметно более скептически относится к нынешнему процессу миротворчества и менее склонна поддерживать соглашение с Баку¹⁹. В Азербайджане взгляды молодежи формируются в более широкой экосистеме, которую образуют школы, СМИ и общественный дискурс. И в ней сохраняются конфликтные нарративы, даже несмотря на то, что годы войны с Арменией остались в прошлом. Есть риск, что в обоих обществах вырастут новые поколения, неспособные представить себе какую-либо альтернативу жизни в условиях конфликта.

Более того, многолетний активный конфликт сформировал у участников мирного процесса специфический набор навыков: прежде всего они обучались управлению кризисами и посредничеству. Однако в нынешнем контексте все более востребованными становятся компетенции, связанные с постконфликтным переходом и примирением. А их явно не хватает.

Расширение образования, нацеленного на примирение, требует двойного подхода. В Армении целесообразно поддерживать пересмотр учебных программ, который представляется вполне реализуемым. В Азербайджане такая реформа маловероятна

Образование, ориентированное на диалог и примирение, остается маргинальным и зачастую финансируется извне. В Азербайджане отдельные инициативы в свое время давали молодежи возможность вести диалог и анализировать конфликты. В Армении НКО и международные партнеры организовывали молодежные обмены и летние программы, участники которых знакомились с точками зрения, не укладывающимися в националистический мейнстримный нарратив.

Некоторые организации вроде Центра трансформации конфликтов Imagine также предоставляли возможности для диалога:

в краткосрочной перспективе, поэтому там можно сосредоточиться на внеклассных и неформальных инициативах, дополненных возможностями получить образование за рубежом. Совместные армяно-азербайджанские педагогические стипендии и программы сертификации для учителей помогли бы формированию сети таких преподавателей, которые бы постепенно стали внедрять в учебный процесс альтернативные методы. При присуждении международных стипендий приоритет должен отдаваться молодежи из приграничных регионов, а также представителям перемещенных общин: важно, чтобы наиболее пострадавшие от конфликта люди лучше понимали связанные с ним проблемы. И хотя крупные программы обмена остаются ограниченными по политическим и административным причинам — особенно с азербайджанской стороны, — более скромные и узкоспециализированные инициативы показали свою эффективность. В случае расширения они могут способствовать восстановлению доверия и подготовке нового поколения профессионалов, обладающих навыками, необходимыми для постконфликтного перехода и нормализации отношений.

Образовательная деятельность в области миростроительства не должна ограничиваться молодежью. Взрослому населению тоже нужно объяснять, как отходить от укоренившихся нарративов. Семинары по медиаграмотности, трансграничные культурные обмены и программы коллективного сторителлинга могут создавать пространства для переосмысления стереотипов и формирования нового образа совместного будущего. Культурная сфера — кино, литература, театр, изобразительное искусство — также предоставляет важные точки входа в такое образование через творческие практики. При должной поддержке эти пространства могут способствовать нормализации эмпатии и плюрализма, даже несмотря на сопротивление со стороны формальных институтов.

Однако процесс масштабирования подобного образования должен быть тщательно продуман. Элитарные или ориентированные на доноров программы могут лишь укрепить представление о том, что миростроительство навязывается извне. Наиболее перспективные модели опираются на местные реалии. Если образовательные инициативы будут строиться вокруг конкретных проблем и повседневных вызовов, то понятие «мир» перестанет быть абстракцией: речь пойдет о наборе практических навыков, необходимых для жизни в постконфликтный период.

3.2 Диалог и солидарность между участниками миростроительства

Если образование формирует будущее, то солидарность среди вовлеченных в миростроительство лиц позволяет действовать в настоящем. В Армении и Азербайджане гражданские и профессиональные участники мирного процесса — от учителей и ученых до журналистов и экспертов, от феминисток и борцов за окружающую среду до работников НКО и местных лидеров — зачастую действуют изолированно, несмотря на сходство целей. В Азербайджане политические

ограничения резко сузили пространство для независимой гражданской активности. В обеих странах НКО и низовые организации нередко конкурируют за ресурсы, вместо того чтобы координировать свои действия.

Сформировалось и межпоколенческое недоверие: молодые и более опытные активисты скептически относятся к целям, методам и мотивации друг друга. Еще больше фрагментацию усиливают тематические барьеры: феминистки, экологи и борцы за мир действуют обособленно, а те, кто придерживается реалистического, либерального или критического подхода к вопросу миростроительства, часто отказывают друг другу в легитимности. Эти разрывы усиливаются донорскими практиками, ориентированными на краткосрочные и узконаправленные проекты, а также действиями властей, которые стигматизируют или подавляют гражданскую активность.

Многолетний отток доноров, дефицит обновления, выгорание и практики ограничения доступа привели к перегруженности сферы миростроительства и ее замыканию в себе. Преодоление этих проблем требует создания горизонтальных сетей солидарности внутри гражданского общества и профессиональных сообществ. При этом роли участников могут различаться. Одни могут сосредоточиться на взаимодействии с пострадавшими от конфликта общинами или на развитии публичной дискуссии. Другие — работать с официальными структурами и поддерживать переговоры через исследования, мониторинг общественного мнения, а также диалог о сосуществовании народов, истории перемещения лиц и региональных связях. Укрепление солидарности и взаимной поддержки между участниками, работающими с разными группами населения и на разных уровнях, может создать более безопасное пространство и способствовать достижению более устойчивых результатов.

Упрочение солидарности требует целенаправленных усилий по укреплению доверия и созданию нужной инфраструктуры, в рамках которой координация — пусть даже и без полного сотрудничества — будет приносить взаимную выгоду. Необходимо проводить выездные мероприятия и семинары по стратегии действий, налаживать схемы финансирования, поощряющие взаимодополняемость. Межпоколенческое наставничество, обмен опытом и идеями между различными секторами, диалоги вопреки идеологическим разногласиям — все это поможет преодолеть накопившиеся разрывы.

Не менее важна и честная оценка прошлых и текущих инициатив: что сработало, что оказалось неудачным и какие выводы можно из этого сделать. Это необходимо, чтобы избежать утраты знаний по мере того, как уходят старшие поколения. Однако нынешние схемы финансовой поддержки делают открытое осмысление неудач практически невозможным, поскольку это чревато потерей финансирования в будущем. Нужно перестроить схемы так, чтобы они не поощряли краткосрочные достижения, а стимулировали долгосрочные стратегические инвестиции.

Кроме того, финансирование должно стимулировать не конкуренцию, а сотрудничество, поощряя коалиции, которые объединяют разные поколения и сферы. Поддержание мира, гендерная справедливость, защита окружающей среды, трудовые отношения — все эти и многие другие проблемы переплетаются между собой. Они одновременно влияют на повседневную жизнь — идет ли речь, скажем, о женщинах, вынужденных покинуть свои дома, или о том, как приграничные общины сталкиваются с последствиями изменения климата. На текущий момент координации между инициативами, направленными на работу с такими взаимосвязанными проблемами, почти нет. Совещания по стратегии действий, совместные кампании и семинары, а также общие медиаплатформы могут способствовать взаимодополняемости, снижать фрагментацию, повышать эффективность работы и обеспечивать долгосрочное воздействие этих инициатив на реалии на местах.

Цифровые платформы, несмотря на связанные с ними риски, также открывают новые возможности. При использовании в рамках продуманных стратегий такие платформы могут усиливать примирительные послания и охватывать тех, кто прежде не был вовлечен в мирный дискурс. Например, соблезновения, которые премьер-министр Армении Пашинян выразил Баку в связи с крушением самолета в декабре 2024 года, широко тиражировались в азербайджанском сегменте соцсетей и вызвали позитивный отклик²⁰. Заявления Пашиняна, в которых он признал боль и потери азербайджанской стороны, тоже были подхвачены в соседней стране пользователями социальных сетей и породили заметную волну откликов.

Гражданское общество может использовать аналогичные практики — отмечать достижения соседей или выражать солидарность в трагические моменты. Подобные жесты эмпатии находят отклик даже тогда, когда официальный дискурс остается враждебным. Участники мирного процесса могут использовать такие моменты для расширения диалога за пределы элитных кругов при помощи цифровых платформ.

Помогать укреплению солидарности может и международная поддержка, но она требует осторожного подхода. Слишком заметное зарубежное финансирование может привести к тому, что местные организации получат ярлык «иностранных агентов». При этом многие жесты солидарности не требуют значительных ресурсов и зависят прежде всего от политической воли и учета местного контекста. Международная поддержка должна быть деликатной и долгосрочной. Одна из приоритетных целей — помощь в укреплении сетей взаимопомощи, включая социально-психологическую поддержку активистов, безопасные цифровые инструменты и неформальные каналы координации.

В конечном итоге солидарность между участниками мирного процесса — это не роскошь, а необходимое условие выживания. В условиях постоянной угрозы

В условиях постоянной угрозы политических репрессий и враждебности в обществе сети доверия и заботы не позволяют миростроительству сойти на нет.

политических репрессий и враждебности в обществе сети доверия и заботы не позволяют миростроительству сойти на нет. Они объединяют изолированных прежде друг от друга людей в устойчивые сообщества, которые способны поддерживать диалог даже тогда, когда официальные процессы заходят в тупик.

Путь к стратегическому направлению 3

Создание синергетических сетей между участниками мирного процесса — это вопрос не только краткосрочной координации, но также устойчивости и долгосрочности мирных усилий. То, насколько хрупко нынешнее миростроительство в Армении и Азербайджане — это результат как политических ограничений, так и отсутствия устойчивой социальной инфраструктуры и сетей солидарности. Образование продолжает воспроизводить этнонационалистические установки и готовит лишь ограниченное число специалистов по мирным процессам. Эти люди зачастую оказываются разрозненными и уязвимыми и вместо сотрудничества нередко вступают в конфликты и конкурируют друг с другом. Без более прочных сетей мирные инициативы будут оставаться малорезультативными, слабо связанными с общественными потребностями и ориентированными прежде всего на доноров.

Таким образом, это стратегическое направление имеет две составляющие. Первая — это расширение образовательных практик, ориентированных на диалог и примирение. Необходимо готовить новые поколения к постконфликтной жизни, формировать сети людей, которые учатся вместе, осваивают язык мира, вырабатывают общие аналитические рамки и подходы к разрешению конфликтов. Это предполагает расширение внеучебных программ, поддержку связей между преподавателями, улучшение доступа к международным возможностям.

Вторая составляющая — это укрепление солидарности между участниками мирного процесса через выстраивание доверия, совместную разработку стратегий, межпоколенческое наставничество и сотрудничество между различными движениями. Для этого необходимо скорректировать распределение донорских ресурсов, защищать активистов от репрессий и создавать безопасные пространства — как физические, так и цифровые — для устойчивого взаимодействия.

Мир выстраивается не только путем заключения официальных соглашений — его поддерживают педагоги, активисты, художники и лидеры общин, которые продолжают диалог, несмотря на усталость, репрессии или безразличие части общества. Инвестируя в сети заботы, солидарности и совместного видения будущего, Армения и Азербайджан могут начать закладывать социальные основы прочного мира.

Рекомендации: пути для миростроительства, нормализации отношений и переосмысления понятия «мир»

Нижеизложенные рекомендации переводят стратегические направления в практические рекомендации для ключевых заинтересованных сторон. Это не идеалистические предписания, а стратегии, которые учитывают контекст и представляют собой баланс между амбициями и реализмом в условиях существующих жестких ограничений.

Для властей Армении

- **Защитить гражданское пространство** путем принятия правовых гарантий для работающих в сфере миростроительства активистов, а также предоставления небольших грантов инициативам, ориентированным на интеграцию пострадавших от конфликта и перемещенных общин. Предоставить публичные гарантии гражданским деятелям, участвующим в реформе образования и других миротворческих инициативах, чтобы защитить их от преследований и стигматизации.
- **Поддерживать диалог о трансформации идентичности** в посткарабахском контексте, вовлекая в дискуссии граждан двух стран. Для этого следует перейти от узкой концепции «Реальной Армении», навязываемой властями, к более широким и инклюзивным обсуждениям с участием педагогов, деятелей культуры и гражданского общества.
- **Переносить мирный процесс на местный уровень** за счет передачи части полномочий по принятию решений властям пограничных районов. Общины, больше всего пострадавшие от конфликта, должны иметь право участвовать в проектах по нормализации.
- **Решать проблемы ветеранов и возвращающихся лиц** путем сотрудничества с местными медицинскими учреждениями, готовыми предоставлять социально-психологические услуги. Запрашивать международную техническую помощь там, где своего потенциала недостаточно.
- Разрабатывать мероприятия, направленные на **решение проблем, с которыми столкнулись пережившие конфликт женщины.**

- **Инвестировать в социальную устойчивость** посредством стипендий, академий лидерства и региональных обменов, которые позволяют молодежи участвовать в миротворческой деятельности как части более широкого процесса гражданского обновления.
- **Интегрировать культурную дипломатию** в усилия по нормализации отношений, поддерживать совместные экологические инициативы, молодежное предпринимательство и культурные обмены, которые обеспечивают сотрудничество с Азербайджаном и Турцией при минимальных политических рисках.
- **Поддерживать прозрачность** переговоров по нормализации и вовлекать гражданское общество в консультации, чтобы снизить уровень взаимного недоверия и предотвратить монополизацию мирного дискурса поляризованными элитами.

Для властей Азербайджана

- Обеспечить, чтобы регулирование деятельности НКО применялось **предсказуемо, прозрачно и без излишних ограничений**, с четкими процедурами регистрации, доступом к надлежащей юридической помощи и соразмерным надзором. Даже небольшие улучшения повседневных условий работы (особенно тех общественных деятелей из Карабаха и других регионов, которые работают с перемещенными лицами, помогают возвращающимся и оказывают социальную поддержку) могут позитивно сказаться на способности активистов участвовать в постконфликтном восстановлении и укреплении общественного доверия.
- **Поддержать прагматичную нормализацию отношений с Арменией, создавая возможности для гражданского общества и других участников**, которые могут продвигать этот процесс. К их числу относятся местные общественные организации, а также авторы профессиональных, образовательных и культурных инициатив. Создание пространства для таких участников не только позволяет им оказывать практическое содействие нуждающимся — через трансграничную торговлю, восстановление инфраструктуры, образовательные обмены и культурные инициативы, — но и дает возможность налаживать диалог и укреплять взаимное доверие. Со временем эти прагматичные шаги могут заложить такую прочную основу для мира, какую неспособны обеспечить иерархические политические процессы.
- **Обеспечить доступность услуг и ресурсов, связанных с установлением и поддержанием мира, за пределами Баку** (в том числе в непосредственно затронутых конфликтом и социально уязвимых регионах) посредством сотрудничества с местными поставщиками услуг и низовыми инициативами.

- **Помочь ветеранам и лицам, возвращающимся на прежние места жительства, преодолеть травму** путем сотрудничества с медицинскими учреждениями, оказывающими социально-психологические услуги. Допускать ограниченную международную техническую помощь там, где не хватает собственных возможностей.
- **Разрешить культурные и образовательные инициативы**, которые исследуют вопросы исторической памяти, травмы и примирения в рамках социальной сплоченности и устойчивости. Тем самым будет расширяться пространство для миротворческих нарративов без непосредственного политического риска.
- **Содействовать косвенному взаимодействию по общим проблемам** вроде разминирования, восстановления окружающей среды и повышения устойчивости перед лицом климатических изменений за счет проведения многосторонних форумов в Грузии и других третьих странах.
- **Институционализировать прозрачность** путем проведения регулярных брифингов по целям и прогрессу в сферах нормализации отношений и противодействия спекуляциям и дезинформации, которые подпитывают взаимное недоверие.

Для гражданского общества

- **Внедрять подходы, учитывающие травму**, в программы, расширять поддержку недостаточно представленных групп, таких как ветераны, перемещенные лица и лица, неформальным образом осуществляющие уход за пострадавшими. Не ограничиваясь клинической помощью, развивать иные методы работы с травмой.
- **Участковать в публичных обсуждениях и образовательных мероприятиях, которые способствуют переосмыслению национальной идентичности** в условиях, сложившихся после 2023 года. Это подразумевает продвижение таких форм политической принадлежности, которые не определяются исключительно национальностью; документирование и сохранение устных историй; поддержку культурных и художественных проектов, которые диверсифицируют коллективную память и содействуют примирению; непосредственное вовлечение пострадавших от конфликта общин в осмысление и формулирование более инклюзивной постконфликтной идентичности.
- **Способствовать формированию коалиций и солидарности** между участниками мирного процесса даже при наличии идеологических и программных расхождений. Вырабатывать комплексные программы и

долгосрочные стратегии, в рамках которых участники должны полагаться на свои силы. Особое внимание следует уделить миростроительству с участием феминистских, экологических, трудовых и правозащитных движений. Успехом следует считать не достижение краткосрочной цели, обозначенной в заявке на финансирование, а вклад в долгосрочную, сложную, стратегическую деятельность, требующую сотрудничества и взаимосвязи с более масштабной борьбой за права и достоинство.

- **Укреплять доверие между специалистами** посредством общих платформ, прозрачной коммуникации и выездных мероприятий, делая акцент на взаимной заботе, размышлениях, а также честном обмене мнениями и информацией.
- **Расширять охват сельских, приграничных и пострадавших от конфликта общин**, чтобы миростроительство не ограничивалось только представителями элит, живущими в столицах и говорящими по-английски. Задействовать учителей, ветеранов и неформальных лидеров в качестве «точек входа» — тех, при помощи кого можно начать работу с сообществами.
- **Укреплять связи между поколениями**, соединяя опытных специалистов с молодыми лидерами — так удастся сохранить институциональную память и в то же время избежать выгорания.
- **Повышать доступность информации**, излагая ее в более простой форме при помощи подкастов, инфографики и визуальных материалов, которые находят отклик у более широкой аудитории.
- **Нормализовать «мир» как непрерывную практику**, а не конечную цель, сосредоточившись на безопасности, достоинстве, сосуществовании и небольших, но ощутимых улучшениях в повседневной жизни.

Для доноров и международных партнеров

- **Перейти от публичности к конфиденциальности**, необходимой в условиях существующих ограничений. В Азербайджане масштабные проекты по миростроительству могут быть опасными для местных участников. Вместо них следует предоставлять долгосрочные стипендии, гранты и неформальные образовательные программы, которые поддерживают гражданский потенциал без избыточного медийного внимания.
- **Поддерживать прагматичные усилия по нормализации**, такие как разминирование, развитие бывших зон конфликта, управление границами и водными ресурсами.

- **Сотрудничать в разработке трансграничных и региональных проектов в области связи и транспорта**, которые могут быть привлекательны для бизнеса и обеспечивать устойчивость.
- **Финансировать платформы в третьих странах и в диаспорных сообществах**, позволяющие армянским и азербайджанским участникам мирного процесса безопасно работать друг с другом. Сюда относятся региональные центры, сети на основе диаспор и цифровые сообщества, позволяющие обходить существующие внутри Армении и Азербайджана ограничения.
- **Уделять приоритетное внимание нарративным практикам**, которые гуманизируют конфликт и бросают вызов черно-белому взгляду на прошлое и настоящее. Среди таких практик — проекты устной истории, подкасты, локальная журналистика, местное искусство.
- **Поддерживать сети**, которые способствуют интеграции пострадавшего от конфликта населения, заботятся о нем и помогают преодолевать травму. Делать это стоит посредством финансирования практик культурного исцеления и диалога между сообществами за рамками клинических учреждений.
- **Инвестировать в местные исследования и архивную работу**, чтобы полученные знания и память не утрачивались из-за репрессий или перераспределения ресурсов.
- **Поддерживать многоязычные мультимедийные литературные инициативы**, которые позволяют охватывать аудиторию за пределами англоязычных элит.
- **Способствовать укреплению доверия** путем финансирования выездных мероприятий, коалиций между движениями и неформальных обменов, а не проектов, ориентированных на быстрый и формальный результат.
- **Вовлекать местных участников в формулирование повестки** и избегать формальных консультаций, которые лишь закрепляют существующие иерархии.
- **Соединять мягкую дипломатию с поддержкой гражданского пространства**, увязывая торговые отношения, облегчение визового режима и помощь в развитии с расширением свобод для участников мирного процесса.
- **Расширять доступ к международному образованию** для людей из приграничных регионов и перемещенной молодежи, чтобы вырастить новое поколение, обладающее навыками долгосрочного примирения.
- **Переосмысливать краткосрочные неудачи**, воспринимая их как уроки, поощрять честный анализ успехов и провалов в усилиях по построению прочного мира.

Вывод: от рекомендаций к действию

Подписание мирного договора между Азербайджаном и Арменией станет важной вехой на долгом пути к устойчивому миру. Поэтапный подход, ориентированный на решение самых неотложных вопросов, по которым реально достичь компромисса, может заложить основу для работы с более глубокими проблемами в будущем. Однако, как показывают многочисленные сравнительные исследования, одних лишь усилий властей недостаточно: мирные соглашения часто нарушаются уже через несколько лет после заключения²¹. Само по себе соглашение не может перечеркнуть собой десятилетия недоверия, травм и структурного неравенства. Устойчивое и прагматичное взаимодействие, поддерживаемое на международном уровне, необходимо не только для подписания и реализации договора, но и для последующих раундов переговоров. Для этого также требуются регулярные оценки ситуации, адаптивное планирование и действенные механизмы реагирования на возникающие проблемы.

У правительств, гражданского общества и доноров разные зоны ответственности, но в стратегическом плане необходима координация их усилий. Власти должны создавать благоприятные условия и инклюзивные нарративы. Гражданское общество — внедрять инновационные методы и тактики, при этом обеспечивая целостность процесса и общественное доверие. Доноры — оказывать такую поддержку, которая будет конфиденциальной, долгосрочной и опирающейся на местные реалии.

В совокупности эти рекомендации призваны служить стратегической «дорожной картой» для всех участников, стремящихся к долговременному миру. Мы приветствуем намерение политических элит подписывать соглашения, признавая при этом, что прочность мира будет зависеть от преодоления травмы, переосмысления идентичностей, диверсификации нарративов и ощутимого улучшения жизни обычных граждан.

Бенефициары конфликта продолжают разжигать вражду и воспроизводить устоявшиеся модели недоверия к другой стороне. Это лишь подчеркивает, насколько высоки ставки: без постепенной смены парадигмы любой достигнутый прогресс останется хрупким. Вместе с тем каждый, даже скромный шаг к диалогу, инклюзивности и сотрудничеству создает возможности для изменения ныне актуальных моделей. И в конечном счете это может привести к тому, что мир не только будет зафиксирован на бумаге, но и придет в реальную жизнь армян и азербайджанцев.

Об авторах

Заур Шириев приглашенный эксперт Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии.

Филип Гамагелян доцент Университета Сан-Диего (США) и редактор «Caucasus Edition».

Примечания

- 1 Прорывом это соглашение называли и в местных, и в международных СМИ. См., например: Felix Light and Nailia Bagirova, “Armenia and Azerbaijan Agree Treaty Terms to End Almost 40 Years of Conflict,” *Reuters*, March 13, 2025, <https://www.reuters.com/world/armenia-says-it-is-ready-sign-peace-agreement-with-azerbaijan-2025-03-13/>; Polina Ivanova, “Armenia and Azerbaijan Signal Breakthrough in Peace Talks,” *Financial Times*, March 14, 2025, <https://www.ft.com/content/ca92b871-dd65-4980-af01-aaf0f3e38650>.
- 2 Во встречах, организованных Центром трансформации конфликтов Imagine, приняли участие ученые, исследователи и активисты движения за мир из Армении и Азербайджана, в том числе представители местных и международных организаций гражданского общества.
- 3 Под геополитизацией понимается процесс, вследствие которого конфликт все больше определяется стратегическими интересами внешних держав и воспринимается местным населением через эту геополитическую призму. Зачастую он отодвигает на второй план местные инициативы, потребности и приоритеты миростроительства.
- 4 Thomas de Waal, “The End of Nagorno-Karabakh,” *Foreign Affairs*, September 26, 2023, <https://www.foreignaffairs.com/armenia/end-nagorno-karabakh>.
- 5 Интервью с высокопоставленным азербайджанским чиновником, Баку, Азербайджан, сентябрь 2025 года.
- 6 Концепция «Реальной Армении», выдвинутая премьером Николой Пашиняном, нацелена на то, чтобы отделить армянскую национальную идентичность от карабахского конфликта. Она делает акцент на существующем государстве, его суверенитете и развитии общества и отвергает нарративы, опирающиеся на исторические обиды или территориальные претензии.
- 7 Встреча с высокопоставленным западным дипломатом, Баку, Азербайджан, август 2024 года.
- 8 “Report on the Humanitarian Situation of the Refugees and Displaced Persons in Armenia and Azerbaijan,” Council of Europe, Doc. 7250, February 14, 1995, <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=6823&lang=EN>.
- 9 Согласно неофициальной статистике, с 2020 по 2023 год более пятидесяти азербайджанских ветеранов войны пытались покончить жизнь самоубийством, из них более двадцати погибли, хотя реальные цифры могут быть выше. “2020 to 2023-cü illər ərzində 50-dən çox müharibə iştirakçısı intihara cəhd edib,” *Göztəçi*, July 14, 2023, <https://gozetcı.az/2023/07/28912>.

- 10 Более подробный анализ (включая значимые последствия для общества) см. в: Philip Gamaghelyan and Shujaat Ahmadzada, “*Rethinking Identity in the Armenian–Azerbaijani Rivalry*,” *Caucasus Edition*, August 6, 2025, <https://caucasusedition.net/rethinking-identity-in-the-armenianazerbaijanirivalry/>.
- 11 Michael Billig, *Banal Nationalism* (London: Sage Publications Ltd, 1995).
- 12 “Information of the State Commission on Prisoners of War, Hostages and Missing Persons,” State Security Service of the Republic of Azerbaijan, October 9, 2025, <https://dtx.gov.az/en/news/1860.html#:~:text=The%20Chief%20of%20the%20Service,of%20search%20and%20excavation%20activities>.
- 13 “Accounting for the Missing Persons in the Republic of Armenia,” International Commission on Missing Persons, September 2024, https://icmp.int/wp-content/uploads/2024/10/ICMP_ARMENIA-REPORT_September2024.pdf#:~:text=On%20the%20Armenian%20side,%20the%20authorities%20state,42%20missing%20persons%20from%20the%20September%202023.
- 14 Philip Gamaghelyan and Zaur Shiriyev, “As They Edge Toward Peace, Armenia and Azerbaijan Must Resist Old Habits,” *Emissary*, Carnegie Endowment for International Peace, August 7, 2025, <https://carnegieendowment.org/emissary/2025/08/armenia-azerbaijan-peace-deal-trump-washington-influence?lang=en>.
- 15 “Economic ties between Georgia and Russia are growing, but Georgia will not participate in 3+3 format,” *Jam News*, November 25, 2021, <https://jam-news.net/economic-ties-between-georgia-and-russia-are-growing-but-georgia-will-not-participate-in-3-3-format/>.
- 16 Larra M. Diboyan and Jesse R. Goliath, “Publicly Underrepresented Genocides of the 20th and 21st Century: A Review,” *Humans* 3, no. 2 (2023): 82–102; Hunter L. Eigenman, “International Silence on Genocide: Nagorno-Karabakh, A Case Study,” *Transnational Law & Contemporary Problems* 34, no. 2 (2024): 272–300.
- 17 Bülent Bilmez, Kenan Cayir, Özlem Caykent, Philip Gamaghelyan, Maria Karapetyan, and Pinar Sayan, “History Education in Schools in Turkey and Armenia: A Critique and Alternatives,” History Foundation (Tarih Vakfi) and Imagine Center for Conflict Transformation, 2017; Flora Ghazaryan and Mirkamran Huseynli, “Armenian and Azerbaijani History Textbooks: Time for a Change,” *Caucasus Edition: Journal of Conflict Transformation* 5, no. 1 (2022): 53–89; Philip Gamaghelyan and Sergey Rumyantsev, “Armenia and Azerbaijan: The Nagorny Karabakh Conflict and the Reinterpretation of Narratives in History Textbooks,” in *Myths and Conflicts in the South Caucasus*, edited by Oksana Karpenko, vol. 1 (International Alert, 2013), pp. 166–188.
- 18 “Regional Dialogues,” Imagine Dialogue, Imagine Center for Conflict Transformation, March 8, 2020, <https://www.imaginedialogue.com/regional-dialogues/>.
- 19 “Public Opinion Survey: Residents of Armenia,” International Republican Institute, July 21, 2025, <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-june-2025/>.
- 20 “Armenian Prime Minister Expresses Condolences to Families of Azerbaijani Airlines Crash Victims,” Armenpress, December 25, 2024, <https://armenpress.am/en/article/1208337>.
- 21 См., например: “How Wars End,” The Hague Centre for Strategic Studies, 2022, и “What Is the Path to Lasting Peace in Global Conflicts?,” University of Chicago, 2024. Оба исследования выявляют тенденцию к срыву мирных соглашений в первые годы после подписания.

Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии

Берлинский центр Карнеги объединяет ведущих мировых экспертов по России и странам региона. Исследователи Центра и его медиаплатформа Carnegie Politika предлагают уникальную независимую аналитику ключевых событий в регионе, включая последствия полномасштабного вторжения России в Украину.

Фонд Карнеги за международный мир

В условиях сложного, стремительно меняющегося и все более конкурентного мира Фонд Карнеги вырабатывает стратегические подходы, содействует дипломатии и готовит новое поколение международных экспертов, способных решать наиболее острые глобальные проблемы и способствовать укреплению мира. Фонд Карнеги, объединяющий более 170 специалистов в двух десятках стран, известен своим независимым анализом ключевых мировых проблем и глубоким пониманием реалий в разных регионах мира.

БЕРЛИНСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ЕВРАЗИИ

CarnegieRussiaEurasia.org